

В.В. Воронин (г. Краснодар, Российская Федерация)

ИЗ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРЯЧЕКЛЮЧЕВСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ОБРЯД ПРОВОДОВ НА СЛУЖБУ

Обряд проводов на службу, включенный в жизненный круг, является одним из основополагающих для казачьей культуры. Через проводы на службу происходит переход казака из мира гражданского в военный, изменение социального положения в обществе, а вместе с этим и рост статуса, как человека отслужившего военную службу.

В ходе работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (1992, 2007, 2010, 2015 гг.), проводимой Научно-Исследовательским Центром традиционной культуры ГБНТУК КК «Кбанский казачий хор», в станицах Горячеключевского района (Саратовская, Бакинская, Суздальская, Мартанская, Имеретинская, Черноморская, Кутаисская) был собран полевой материал, позволяющий дать описание исследуемого обряда.

Многие наши респонденты в горячеключевских станицах отмечали, что и в советское время, несмотря на утрату казачьих воинских традиций, служба в армии было обязательным для мужчин. Напротив, не служивший мужчина, в глазах станичной общины резко понижался в статусе: *«Да, это позор, ты чё! Не! Это баба!»*[1]; *«Это был не мужчина»* (М.Г.), *«Неполноценный»* (В.М.). *«Тада наоборот рвались!»* (М.Г.) [2].

Несмотря на некоторую вариативность элементов обряда в традиционной культуре населения станиц Горячего Ключа, можно от-

метить, что в целом обряд имел свою общую структуру. В советский период, в связи с уничтожением казачьего уклада жизни, и когда служба в армии стала обязательной для всех лиц мужского пола, структура обряда претерпела значительные изменения. Тем не менее, многие элементы сохранялись и воспроизводились.

По воспоминаниям и рассказам своих родителей, респонденты отмечали, что обряду проводов предстоял долгий период подготовки новобранца в материальном, физическом, и воспитательном отношении.

Материальный аспект включал в себя подготовку обмундирования – «справы», холодного оружия, коня новобранца, и всецело возлагался на плечи отца семейства. «Требовалось купить отличную верховую лошадь у конезаводчика, которого укажет начальство за драконовскую цену. Кроме коня казаку необходимо было иметь бурку, шапку, казачью форму. И для повседневного ношения: сапоги парадные и рабочие, кинжал, шубу, две черкески, два бешмета, два башлыка, два пояса, белые портянки, носки, сёдла форменные, сумы перемётные ковровые, сумы с кормом для лошади» [3]. Естественно, что глава семьи всеми силами старался подготовить сына к службе. Однако станицы района в дореволюционный период были слабо развитыми в экономическом отношении, и стремление глав семей «не упасть в грязь лицом» при подготовке «справы» зачастую грозило разорением. Это подтверждается обращением выборных ст. Пензенской, с просьбой и выделении станице дополнительного надела: «При перечисленных наших заработках таких скудных, наша жизнь делается слишком тяжёлой, будучи казаками Кубанского казачьего войска и желая служить Государю Императору и Отечеству с преданностью, как выказали себя наши предки, но, не будучи в состоянии отправлять своих сыновей на службу при нынешних требованиях, вследствие выясненных условий жизни, нам, как не желающим отстать от наших же казаков других более богатых станиц, приходится разорять положительно наши скудные хозяйства и тратить на тот же предмет скудные доходные общественные поступления в нашу кассу»[4]. То есть, в трудных ситуациях,

навстречу шло станичное общество, выделяя средства из станичной общественной казны. Это происходило во многих станицах, например в ст. Суздальской: «Расходуется же общество немало; в особенности при снаряжении казаков на службу. Из числа выступающих на службу в последнее время почти все снаряжаются на общественный счёт»[5]. Еще сложнее было семьям, в которых было несколько сыновей: «Горе тому отцу, у которого несколько сыновей. Такие семьи после влачили жалкое существование. В случае падежа коня или исчезновения одежды, других принадлежностей в период срока службы казака отец обязан был приобрести их вновь и направить к месту службы сына» [6]. Неслучайным, в данном контексте, является бытование пословиц: «*Лучше сундук напхать, чем коня покупать*» (т.е. рождение девочки менее затратное в будущем, чем мальчика) [7]; «*Слава казачья, а жизнь собачья*»[8].

Необходимо отметить, что сохранность/годность обмундирования, и запрет использовать строевого коня в хозяйственных работах – важные условия для казака и после окончания службы: «Несколько раз в год атаман со своими помощниками и военным писарем проводил смотры. Все военнообязанные первой и второй очереди являлись на станичную площадь со всем положенным. Всё должно было быть в исправности, идеальной чистоте разложено против каждого владельца впереди строя. Комиссия всё тщательно проверяла. И беда тому казаку, у которого окажется не вычищен конь или обмундирование окажется в неполном наборе. Его выводили перед строем и позорили. Кроме этого он мог быть посажен в карцер на трое суток на хлеб и воду. Или наказан денежным штрафом и принудительной работой. Припоминаю характерный случай в период такого смотра. Один из казаков за неимением белья прихватил белую женскую сорочку, аккуратно свернул и положил среди своих вещей. Атаман обнаружил, что бельё не мужское. Приказал казаку встать перед строем и показать своё бельё. «Полюбуйтесь, в каком обмундировании казак намерен защищать царя!». Присутствующие хохотали, а казак готов был провалиться сквозь землю»[9]; «*Боже тебе сохрани [запрячь строевого коня]. Если не дай*

Бог если обнаружили шо у коня хде-то потёрто. Как дедушка рассказывал, гаварит, это сразу на месяц в какую-то дальнюю станицу, куда-нибудь загоняют. Езжай и то там служи целый месяц. За конем не смотрел. Страшное дело. Наказывали, дюже наказывали»[10].

Немаловажную роль играли физическая подготовка и воспитание казаков-новобранцев: «Все военнообязанные до призыва в армию проходили двухлетнюю военную подготовку по месту жительства. Изучался устав военной службы, конный и пеший строй, стрельба и рубка лозы шашкой на полном скаку лошади, взятие различных препятствий на скаку лошади, взятие различных препятствий конных и пеших, гимнастических упражнений на турнике, кольцам, лестнице, прыжки через деревянного коня, и другие упражнения. Для обучения военному делу назначался руководитель из отслуживших казаков в чине не ниже вахмистра. Каждый призывник обязан был знать все воинские звания и чины, знать, как титулуют царя, членов его семьи, и всех князей и министров, начальника Кубанской области атамана Екатеринодарского отдела. О царе, например, нужно было докладывать: «Его Императорское Величество, царь Польский, великий князь Финляндский, император Всероссийский, царь Николай Александрович». В полк приходило пополнение полностью обученных и подготовленных к военной службе». [11].

Следующим этапом являлись непосредственно проводы на службу.«Проводы»/ «вэчир»/ «обид»/ «гульня/гулянка» проводились накануне отъезда новобранца из станицы на службу. На этот вечер приглашались гости – родня, соседи, кумовья. Обязательно приглашались крестные отец и мать. Приглашение взрослых гостей возлагалось на родителей новобранца, а он приглашал молодежь: «Родители приглашалы. А вин молодешь приглашае. А бувае так, шо по пути, вин быжить, и ему кажутъ: «Забижи там до тих, скажи шоб на якэ врэмья прыходылы» [12]. Но помимо приглашенных, на проводы могли прийти и просто жители станицы: «И все шли, то кума, то сват. И все приходили приглашонние. И кто даже не при-

глашался, тот приходил» [13]. Обязательно приглашали тех, кто славился как песельники: «Вот прыгласыли нас на проводы куды. Нас больше прыгласали из-за песен». [14]. Так же на вечер он приглашал свою девушку «невесту», а она в свою очередь приглашала/собирала подруг: «Если невеста своего жениха провожает, она, значить это, зовёт подружек»[15].

Пришедшие на проводы гости приносили различные подарки: мыло, хлеб, пироги. Девушки приносили платочки, которые прикалывались к черкеске/рубашке на груди. Замужние женщины приносили полотенца. Мать/крестная мать (либо по очереди – мать, крестная мать, сестра, невеста, родственники) перевязывала его крест накрест вышитыми рушником: «Дивчата, стико ему наципляли платочкив, вся его грудь была била. <...> Вся грудь била! Каждая идэ, ну девчат много, каждая хоче почиплять то полотенце, то, я сестра, я полотенце вышитое. Мне женщина вышивала. А той платочки чипляли, богато. Щас такого нима» [16]; «Дивчата прыносылы, но подарки яки — платочки чиплялы, полотенця вишалы. Кресна маты обизательно. Кресна маты повисэ соби, и батько кресный, ны батько а його жинка — тэж соби» [17]. «А тада як провожают в армию, и платочкамы обвишают, дивчат повно. И дивчата, мы обвязуем платочкамы, полотенце вышитэ» [18]; Помимо рушников и платочков использовались бумажные цветы: «Полотенцем перевязывали. Платочки вешали. Цветы вешали такие, шо на свадьбу покупають» [19]; «Должна ж девушка вышивать, что его провожает платочки, во так вот красиво. Вешали, и на каждый платочек – цветок. Цветы тада ж были» [20]; «Вяжемо рушныкы, рушныкы вяжемо, пыривязуем рушныком. На рушныку цвиткы таки бумажни делани, як на свадьби, ти цвиткы штукуы тры-два повишишь, платочки. А полотенце дарэ мама, платочки дарють невесты. Значит ти цвиточки мама чипля и рушнык»[21]. Девушка-невеста новобранца, помимо платочка или полотенца, обязательно дарила вышитый кисет с табаком.

Собравшиеся гости чаще всего садились за два стола, отдельно для молодежи и старших: «Бывало в одной комнате молодёжь, в

другой – все пожилые сидим. Молодёжь посидели и ушли вместе с солдатом, а мы оставались»[22]; «Молодежь отдельно стол стоять в хати, стари за другим. Молодежь чуть-чуть и пишлы гулять до клуба». [23]. Новобранцу определялось отдельное место: «На пэрвом мисти, возли иконы, як жиных и нивеста, так и вин, со своей невестой. Еси есть нивеста вона тихо так сида, тико бис шубы. Там шубу пидстилалы, молодим. А ти так на лавочки» [24].

Важно отметить, что первые три рюмки спиртного всем гостям наливал отец новобранца, при этом обходя все столы: «Атец налива, налива, налива до трех рюмок. А потом становэ, а тада у нас була водка, а як отец провожалы братив мы провожалы, так там динатурат був. И вин читвертя ти становэ: «А тэпэр, кажэ, кажин сам»». И третий тост – «На коня!» – считался наиболее важным, так как он был связан с одариванием новобранца: «Деньги на коня! Выпылы раз, выпылы два, за третим разом – давай на коня! Кто выходыв. По-моему, хоть систра, хоть брат, от таки. <...> На коня. Сразу за третей рюмкой: «Давайте на коня!». А той тада ш деньги какои булы, той рубль, той два, той тры рубля. Тада дороги деньги булы. Накыдают!» [25]. Собранные деньги должны были хотя бы частично компенсировать затраченные средства семьи на подготовку казака к службе.

После этого, каждый из присутствующих старших обязательно говорил тост, давал напутствие казаку: «Чтоб служил, уже отслужил, нотацию ему: «Смотри, то-то, то-то, то-то». Подсказывали, что не надо, как в армии лучше служить. Чем выполняешь все приказы и указы, никогда ты не будешь виноватый»[26]; «Чтобы ты отслужил, чтобы ты не попал. Чтобы был хорошим, дисциплинированным. Защищал. Чтобы мы ночью спали, а ты нас охранял» [27]; «Старики там или дедушка: «Смотри, нас не подведи!». И я своих внуков провожал: «От пухлого не отставай! С голоду помрешь!»[28]. Для каждого благопожелания новобранца специально приглашали к столу старших: «Да. Мы ему желаем, за него пьем, приглашаем его до стола, давай сынок, шоб ты служил» [29].

Взрослые и старики просиживали за столом всю ночь, предаваясь воспоминаниям о былых временах и военных победах. Беседы прерывались песнями, при этом песенный репертуар был довольно определенным в сюжетном отношении. Большая часть текстов, сюжетно была связана с проходами на службу, тяготами казачьей службы, разлукой с семьей, военными темами. Тем не менее, в станциях Горячеключевского района выделилась группа песен, приуроченных именно к проходам. Наиболее широко распространенные тексты, которые бытуют и в других районах Краснодарского края, это: «Последний нонешний денечек», «Провожала маты, сына у солдаты» и др., напр.: «Маты сына, сына в дориженьку слезно праважа, / Иды, иды, иды мий сыночок, иды ны дэ ны борысь, / Чирис тры-читыри, чытыри гадочка назад варатысь»[30].

«Казак у поход собырався, / Вороного коня осидлал. / У гаю дивчина стояла, / Вин дывчини свою говорыл: «Ты не плач, не журився за мною, / Я с кровавого боя вэрнусь, / Як нэ вкрыюсь сырою землёю, Я на вики тим зальшусь...»[31].

«Калына, малына, лыстя опадают, / Молодых ребяток служить забырають. / Служить забырають пид город Варшаву. / Пид город Варшаву, дэ бьють барабаны, / За багатым сыном плаче вся Украина, / А за сыротою молода дивчина. / За богатым сыном, батько, маты плаче, / А за сыротою чёрный ворон кряче»[32].

«Конь боевой с походным выюкам, / Мой конь не ржёт, кого-то ждёт. / А на крыльце военной школы / Казачка горько слёзы льёт...»[33].

Утром гости вновь сходились ко двору казака. Все садились за стол и завтракали. Выйдя из-за стола, выходили во двор, куда уже сходились все соседи с улицы: «А утром идёть, кто не гулял - всё равно выйдеть, пожелает здоровья, хорошо отслужиться» [34]; «Вутром сбигаюця, проулянцы бигом бижать – провожать» [35]. На дворе родители благословляли сына на добрую службу, давали иконку и узелок родной земли: «Гада ж жизнь була така, советка, шо, та надо було. Но так пырыхрыстылы, пэрыхрыстылы, ну благословылы.» [36]; «Я даже пошёл на войну и мне мать дала иконку,

ещё там ходил на войну и брат её, материн и много. Она и мне давала... [Землю] Ну как всегда завязывали у платочек.» [37].

Важнейшими этапами в проводах на службу считались переходы границ – «своего» пространства и «чужого»: выход с дома, выход со двора, выход за границы станицы. При этом ряд ритуалов были целенаправленны на обязательное благополучное возвращение новобранца домой.

С родного дома новобранца выводили отец и мать. В ст.Бакинской его выводила мать из дома на двор, а затем за калитку, ведя его за платочек. При этом новобранец выходил спиной назад: «Платочек ну нывылыченькый, такой нывылыченькый, дае йёму платочек, и вин задом идэ. Вин бэрэ за конэц за одын, маты за другый, и задом выводыла черес порох, и аж за калитку задом. Вона идэ пэрэдом, а вин идэ задом. Цэ для того, як до дому ж идэ ны задом. Вона выводэ за калитку...». Уже за калиткой мать давала ему деньги – «И шоб вин их ны дэ ны тратив. На дорогу, шоб було назад доихать» [38]. Коня новобранцу за ворота мог выводить крестный отец[39].

В ст.Саратовской был зафиксирован такой ритуал. При выходе из хаты мать давала новобранцу пирожок со словами: «Надкусы, а як прыйдышь – дойисы». Надкусанный пирожок клали «на бижныцю», где он хранился до возвращения казака со службы[40].

Традиционно все новобранцы, украшенные полотенцами и платочками, сходились вместе с провожающими к центру станицы. В центре так же провожающие пели, танцевали. Уже в момент, когда новобранца сажали в машину/автобус, он должен был не оборачиваясь бросить один платочек через голову: «А када в армию провожалы тоже проводылы, платочок чириз голову кынув вин и поихалы, пишлы. От проводылы до остановкы, платочок вин чириз голову кынув.<...> Назад платочок кынэ. Дают ему в руки платочок»[41].

Последним местом, где вновь совершалось прощание с новобранцами, была окраина станицы, граница станичного юрта. Зачастую этот локус имел свою особенность и свой топоним. Например,

в ст. Абхазской – поляна «Пьяная груша»: «А там, значит, провожают. Там есть поляна Пьяная Груша. Я её знаю. Через поле большая была груша. Вот такая толщиной. И вот тада всей станицей, все родственники, заходят туда последний раз. Чарку на коня и потом уже пошёл служить. А те возвращаются до дома» [42]. В ст.Кутаисской границей являлся дуб, на котором висела икона: «Провожалы в край станыци, сюда дороги нэ було, у нас дорога була. <...> И на войну провожалы в край станыци, був дуб, старый дуб. И церковь була. И повисылы там икону. Цэ ужэ розказуют нам. Икона була. И там благословылы мужикив яки шлы на хфронт, шоб оставалыся живи. <...>. И солдат в армию провожалы, туда провожалы, до того дуба» [43].

В целом, фольклорно-этнографические материалы полевых экспедиций позволяют говорить о том, что обряд проводов на службу, в традиционной культуре населения исследуемого района, в прошлом играл значимую роль, не только для отдельного человека, но и всего общества в целом. Многие элементы обряда имеют параллели с другими обрядовыми комплексами жизненного цикла: родильным, свадебным, погребальным. Однако, в настоящее время сильная трансформация народной традиции, а точнее ее деградация, наряду с активной сменой старожильческого населения, приводит к печальному результату – воспроизведение обряда проводов на службу как на семейно-бытовом, так и на общественном уровне утрачивает свое значение.

Примечания

1. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее ПМ КФЭЭ) – 2010. Аудиокассета (далее А/К) №4227. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Мартанская. Информант (далее инф-т): Жолтик А.Н. (1935 г.р.)

2. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4229. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Мартанская. Инф-т: Носатов М.Г. (1946 г.р.), Носатова В.М. (1949 г.р.)

3. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3901. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Бакинская. Рукопись по истории ст. Бакинской, хранящейся в станичной школе.

4. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 2564. Л.47-47об. Из обращения 32 выборных от общества ст. Пензенской Начальнику Кубанской области 12 июля 1897 г.

5. *Болтенко В.* Ст. Суздальская // Кубанские областные ведомости. 1901. № 67. 24 марта. С.1–2.

6. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3901.

7. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4223. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Мартанская. Инф-т: Мишурова М.В. (1924 г.р.), Кошель Е.М. (1926 г.р.)

8. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3901.

9. Там же.

10. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4223. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Мартанская. Инф-т: Афонасов Н.В. (1947 г.р.)

11. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3901.

12. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3899. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Бакинская. Инф-т: Шрамко А.В. (1925 г.р.).

13. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4265. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Имеретинская. Инф-т: Твердохлебова А.Ф. (1935 г.р.).

14. ПМ КФЭЭ-1992. А/К№328. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Мартанская. Инф-т: Попова Л.А. (1942 г.р.), Гавриленко В.Н (1921 г.р.)

15. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4227. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Мартанская. Инф-т: Жолтик А.Н. (1935 г.р.).

16. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3915. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Бакинская. Инф-т: Каркач М.А. (1922 г.р.).

17. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3899.

18. ПМ КФЭЭ-2015. Аудиотрек (далее А/Т) – Кут.1. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Кутаисская. Инф-т: Третьякова З.И. (1938 г.р.).

19. ПМ КФЭЭ-1992. А/К№328.

20. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4229.

21. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-Черн3. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Черноморская. Инф-т: Маторина М.К. (1929 г.р.).

22. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3910. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Бакинская. Инф-т: Сенявская М.Я. (1925 г.р.), Сенявский Г.Е. (1922 г.р.)

23. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т – Кут1.

24. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-Черн3.

25. Там же.

26. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3991. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Саратовская. Инф-т: Евтушенко Н.М. (1927 г.р.).
27. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4227.
28. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4255. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Имеретинская. Инф-т: Шкурко М.В. (1930 г.р.).
29. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3910.
30. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-ЧернЗ.
31. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3972. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Суздальская. Инф-т: Осипова В.А. (1928 г.р.), Дудченко Н.Ф. (1961 г.р.).
32. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3940. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Бакинская. Инф-т: Захарченко Е.А. (1937 г.р.)
33. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3972.
34. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4265.
35. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-ЧернЗ.
36. Там же.
37. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3911. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Бакинская. Инф-т: Китюх Г.И. (1927 г.р.).
38. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3899.
39. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3911.
40. Рукописные материалы Пащенко Л.Н. по ст.Саратовской. Хранятся в архиве НИЦ ТК ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор»..
41. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-ЧернЗ.
42. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4255.
43. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-Кут1.